

ДЕРЕВЯННАЯ ОГРАДА НИКОЛО-КОРЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ XVI-XVII ВВ.

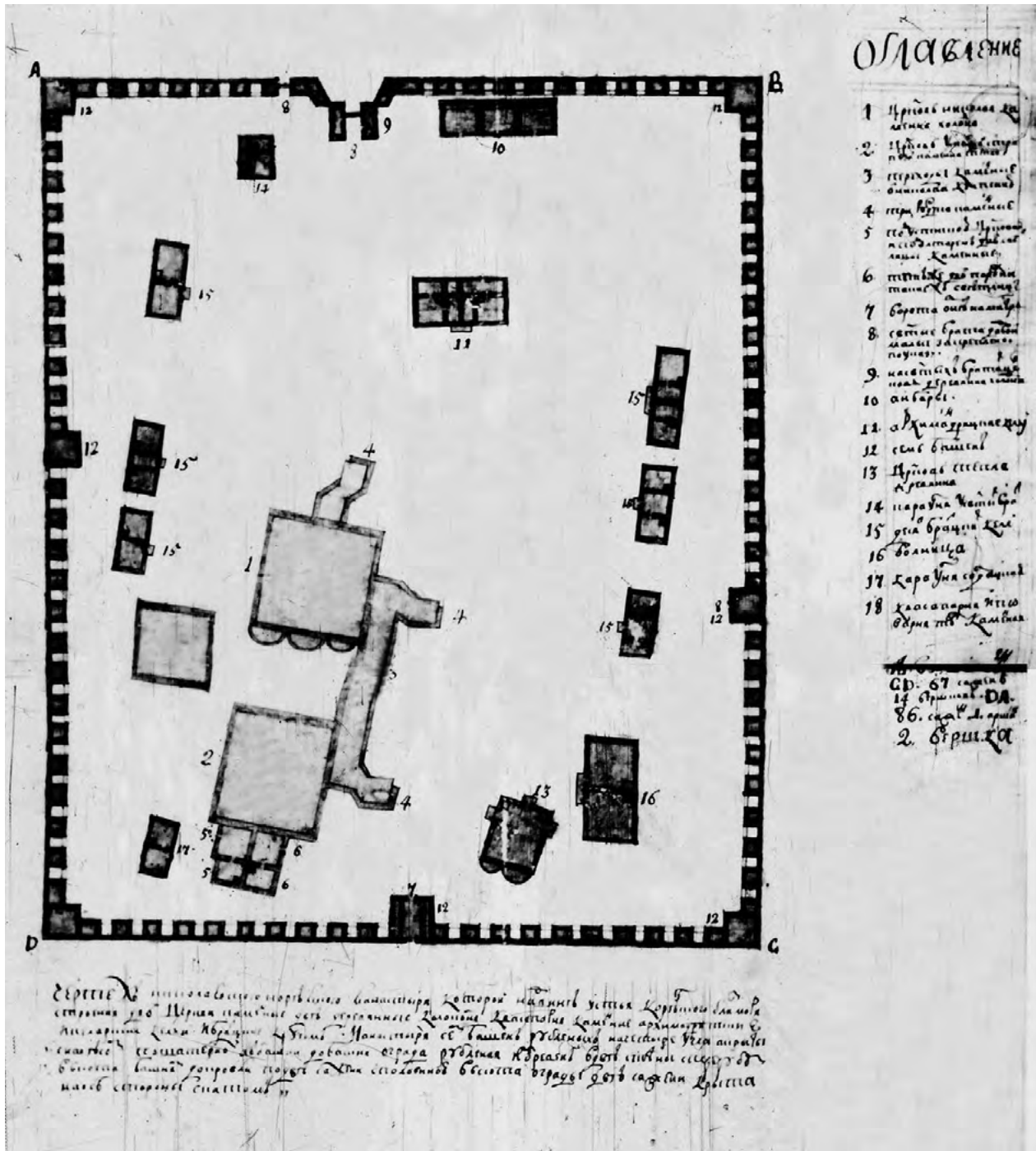
Шаляпин С.О., Гостев И.М.

Деревянные ограды северных монастырей не часто становились объектом специальных исследований ввиду того, что большая их часть перестала существовать еще до того, как отечественная история архитектуры сформировалась как наука. Отправившиеся в северные экспедиции конца XIX столетия столичные ученые практически не застали деревянных монастырских оград и острогов в их первоначальном величии, что заставило специалистов обратиться к реконструкциям, основанным на сохранившихся фрагментах, описаниях и ранних изображениях. В этом смысле история «открытия» и изучения ограды Николо-Корельского монастыря весьма показательна. Благодаря пристальному вниманию светил истории архитектуры рубежа XIX-XX вв. – В.В. Суслова, И.Э. Грабаря, Д.В. Милеева, П.Д. Барановского и др., увидевших в ограде северной обители гибнущую жемчужину древнерусского деревянного зодчества, и приложивших титанические усилия для ее частичного сохранения, этой ограде суждено было стать своеобразным эталоном деревянной крепостной архитектуры, используемым в исследованиях архитекторов, реставраторов, искусствоведов, историков и в наше время. В фундаментальной «Истории русского искусства» И.Э. Грабаря было помещено развернутое описание классической деревянной монастырской ограды: «Монастырские ограды отличались особенной грандиозностью и иногда имели огромные, величественные башни в роде той, какая, например, сохранилась в Николаевском Корельском монастыре на Летнем берегу Белого моря близ Архангельска... Монастырская ограда с шестью башнями¹ срублена в 1691-1692 г., но в 1880 г. она почти вся уже подгнила, была разобрана и тогда устроена существующая ныне. Башни были частью переделаны, частью искажены тесовой обшивкой...»². В качестве уникального памятника вошла Никольская ограда и в издававшееся Императорской Археологической комиссией «Описание памятников русской архитектуры по губерниям»³. В некотором смысле воротная башня Корельского монастыря стала абсолютно узнаваемым символом ушедшей архитектурной эпохи. На XLI передвижной выставке картин демонстрировалась работа академика А.В. Маковского

«Святые ворота Николо-Корельского монастыря», написанная с натуры, во время северной поездки живописца 1912 г.⁴ В начале советской эпохи, во время северной экспедиции 1920 г., И.Э. Грабарь писал как об исключительно ценном памятнике о «знаменитых деревянных воротах и ограде» Николо-Корельского монастыря⁵. После многотрудного перемещения воротной башни Николо-Корельского монастыря в 1932-1933 гг. в Москву, она превратилась в визитную карточку музея-заповедника Коломенское. Без ее описания ныне не обходится ни один обобщающий труд по истории русской деревянной архитектуры⁶. Архитектурные формы надвратной башни стали столь узнаваемыми, что некоторые авторы при виде рисунков, изображающих другие деревянные крепости, автоматически приписывают их Николо-Корельскому монастырю. Так, в частности, поступил А.Г. Тюрин, проиллюстрировавший статью А.П. Богданова старинным чертежом Тихвинского Богородицкого монастыря, ошибочно назвав его Николо-Корельским⁷. И, тем не менее, широкая известность памятника во все не равносильна его доскональной изученности. История ограды Николо-Корельского монастыря нуждается в кропотливых архивных изысканиях, которые способны дать ответы на вопросы: имеем ли мы дело с фортификационным сооружением или только с его имитацией? каков подлинный возраст памятника? какие трансформации пережило сооружение за свою долгую историю? Настоящая статья представляет собой попытку восполнить существующие лакуны сведений о комплексе ограды Николо-Корельского монастыря.

Первые упоминания о возведении «забора» (по всей видимости – заплотной ограды из бревен) вокруг деревянного храмового комплекса Никольской обители относятся к 1551 г.⁸ Таким образом, прибывшие в 1553 г. к устью Северной Двины англичане из экспедиции Ричарда Ченслера уже видели монастырь, отгороженный от окружающего мира серьезной оградой.

В описи 1601 г. описана «около монастыря ограда древняя взаплот, а на ограде двои ворота, а над ворота Деисус в киоте на празелени, да на другой стороне ворот образ Пречистыя на празелени; да на других воротех Деисус старинный, на другой

ПЛАН НИКОЛО-КОРЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ, СОСТАВЛЕН В 1725 Г. В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ В МОНАСТЫРЬ ФЕОДОСИЯ ЯНОВСКОГО. ИЗ ФОНДОВ РГАДА.

На плане надписи: по правому краю:

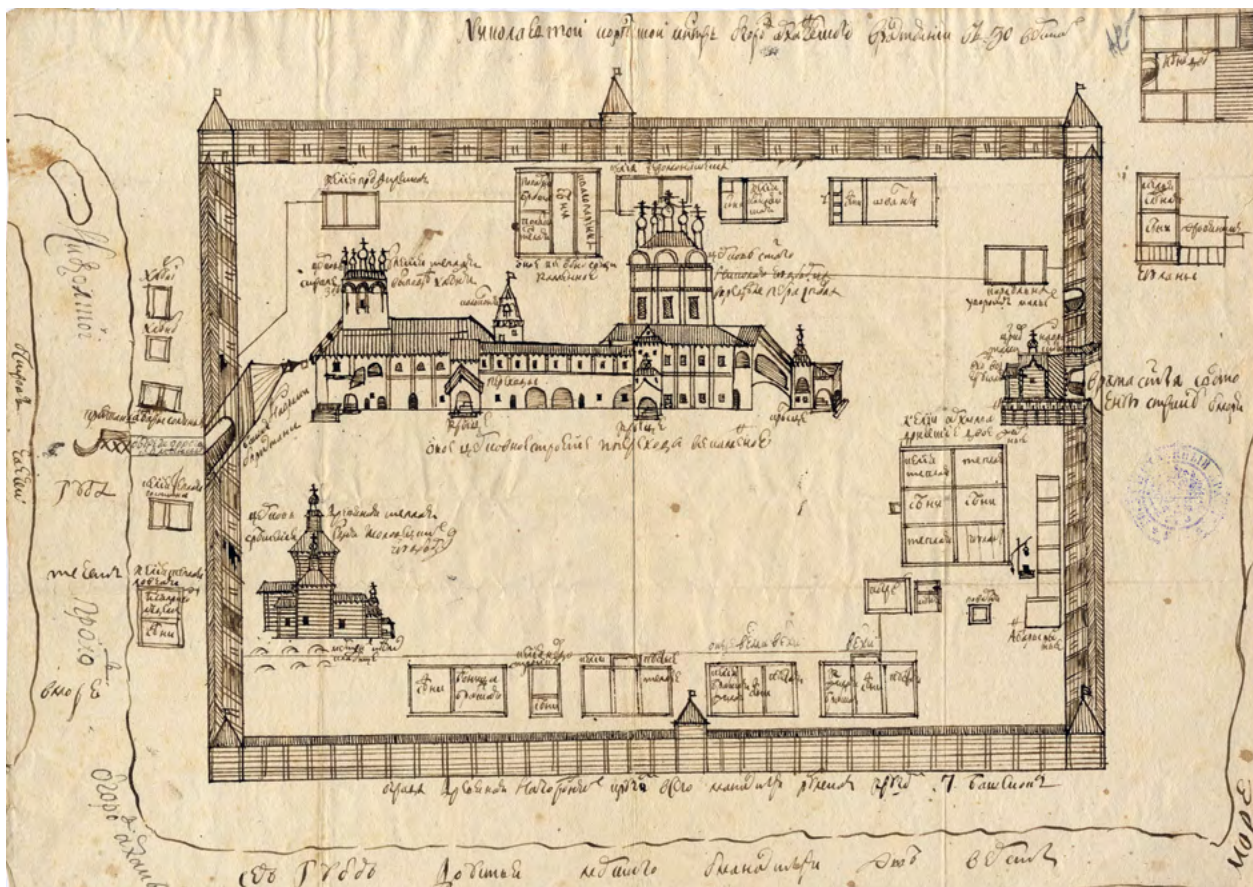
ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Церковь Николая каменна холодна
2. Церковь Успенска с трапезою каменна тепла
3. Переходы каменные от Никольска к Успению
4. Три рундука каменные
5. Под Успенскою церковию и под алтарем две [?] каменные
6. Тут же две порожни такие же [?]
7. Ворота одне на монастырь
8. Святые врата да двои малые, закрепленные по указу
9. На святых вратах церковь деревянная холодна
10. Анбары
11. Архимандритцкая келья
12. Семь башен

13. Церковь тепла деревянна
  14. Караульня у Святых врат
  15. Десять братцких келей
  16. Болница
  17. Караульня солдацкая
  18. Квасоварня и поварня тож каменная
- GD - 67 сажень 14 вершков
 DA - 86 сажень 4 аршина 2 вершка

В нижней части листа:

Чертеж Николаевского Корельского монастыря, которой на Двине устья Корельского близ моря. Строения две церкви каменные, две деревянные, колоколня, квасоварня каменные, архимандритские и келарские кельи и братцкие. Кругом монастыря семь башен рубленых на четыре угла, а крыты с навесом по шатерному, от башни до башни ограда рубленая из бревен в две стены с перерубом. Высота башням до кровли по две сажени с половиною, высота ограды две сажени, крыта на обе стороны скатом.

План Николо-Корельского монастыря, предположительно составлен в 1740/50 гг. Из фондов РГАДА.

План Николо-Корельского монастыря из Атласа Архангельской губернии, 1797 г. Из фондов РГИА.

стороне ворот образ Николин на красках»⁹. Заплотная ограда (сплошная ограда из бревен или теса) не только ограждала монастырское пространство от мирских сует, не только оберегала монастырское имущество от возможных посягательств, но и выполняла ряд других целей – на низком, продуваемом ветрами, подверженном наводнения, морском берегу ограда служила защитой от этих природных катаклизмов. При этом и сама ограда неоднократно страдала от стихии. Так, «Памятная книга» монастыря,

составленная в начале XIX в., сообщает, что 9 октября 1635 г. «морскою водою ограду монастырскую и кельи братские повредило, сено и дрова разнесло и лошадей потопило»¹⁰.

Видимо периодические ремонты ограды, неизбежные после стихийных бедствий, позволяли не просто приводить ее к исходному состоянию, но и существенно переоборудовать. В начале 1640-х гг. ограда была перестроена из заплотной в «стоячую» (тыновую). Над Святыми воротами была воз-

Панорамы видов Николо-Корельского монастыря из Атласа Архангельской губернии, 1797 г. Из фондов РГИА.

ведена надвратная церковь, освященная в 1646 г.¹¹ Описные книги обители 1652 г. так говорят о ней: «церковь над Святыми вороты Богоявления Господня деревяная»¹². Надвратный храм более подробно описан в книгах 1657 г.: «Над Святыми вороты церковь Святого Богоявления Господа Отца и Спаса нашего Иисуса Христа со всем церковным строением. Над Святыми ж вороты, образ Николы Чюдотворца большой, да образ нерукотворенный Спаса по стороны Архангелы писаны на празелени»¹³. Храм был четырехугольным, с папертью, охватывавшей его с трех сторон выше проезда ворот, и двумя небольшими амбарами, пристроенными с внутренней стороны ограды по обе стороны ворот. Венчалась церковь четырехскатной кровлей и одной главой. В 1660 г. обитель нанимала плотника для перекрытия крыши надвратного храма¹⁴. Та же ограда с церковью «над Святыми вороты» упоминается в Переписной книге 1674 г.¹⁵ Какие же из двух ворот являлись Святыми и имели надвратный храм? Очевидно, что это были восточные ворота, выходившие на берег Никольского рукава Северной Двины. На это указывает запись о ремонте одного из надвратных Деисусов 1680 г., в связи с которым надвратная церковь не упомянута: «...Иконнику Ивану Мефедьеву от починки, что он починивал на западных воротах Деисус, дано ему 11 алтын 4 деньги...»¹⁶. Таким образом, ограда не имела башен и иных сооружений, кроме надвратного храма. Западные ворота на столбах были проделаны непосредственно в ограде.

Безусловно, ограда Николо-Корельского монастыря не предназначалась для ве-

дения боевых действий как полноценная крепость. Вместе с тем, монастырь эпизодически приобретал огнестрельное вооружение, которое могло быть применено исключительно для обороны от внешней опасности. В тревожном 1613 г., когда отряды интервентов и шайки русских «воров» бесчинствовали по всей стране, монастырь покупает у иноземцев «самопалы свицкие»¹⁷, то есть шведские. Однако спешно приобретенное оружие не спасло обитель от самого тяжелого разорения за всю ее историю. 13 декабря 1613 г. польско-литовский отряд под командованием полковника Барышпольца напал на Николо-Корельский монастырь. Последствия этого нападения оказались катастрофическими: «В монастыре кельи пожгли, и монастырь розграбили, и за монастырем конюшенной двор сожгли, и старцов посекали 14, а мирян 11 человек, а на Кудиме озере и на Породе старцов и мирян мучили, и много живота поимали, и 70 лошадей монастырских взяли»¹⁸. Обители потребовалось более десятилетия, чтобы восстановить разрушенное хозяйство и постройки. «Литовское разорение», скорее всего, толкнуло старцев на приобретение целого небольшого арсенала, так в описи 1658 г. значатся «кольчюга железная, да шелом железной», «оружия - самопалов дватцать девять добрых и плохих, три сабли»¹⁹. Пришедшее в негодность оружие реализовывалось как металл на переделку: в 1684 г. монастырь продал кудьмозерским крестьянам за рубль «четыре пищалиных дул лежалых ветхих»²⁰. Таким образом можно предположить, что, хотя ограду Николо-Корельского монастыря трудно назвать

Дружескио цензурою печатать разрѣшается Цензоръ Плат. Филатовъ Павловскій

Архангельскъ, Литог. Горяйнова

НИКОЛО-КОРЕЛЬСКІИ МОНАСТЫРЬ.
НА БЕРЕГУ БѢЛАГО МОРЯ, АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Николо-Корельский монастырь на берегу Белого моря. 1870 г. Литография Горяйнова.

крепостной, использование ее для защиты обители от внешнего врага не исключалось, а значит, при ремонтах ограды, была учтена возможность использования огнестрельного оружия, закупленного монастырскими властями.

Постепенно старая ограда ветшала, и требовала все больше усилий для своего поддержания в надлежащем состоянии. Ее печальное состояние стало особенно очевидно после предпринятого при игумене и строителе Козьме грандиозного строительства, результатом которого стало возведение к 80-м годам XVII столетия каменного храмового комплекса Николо-Корельского монастыря. Уже после возведения всех каменных построек опись обители 1685 г. упоминает ту же старую ограду, пришедшую в совершенную негодность: «А около всего того Николаевского монастыря построена ограда деревянная стоячая ветха. З западную сторону ворота проезжие на верях, над ними Деисус, писан на красках, да образ Николая Чюдотворца»²¹.

Первый шаг к замене старой ограды был сделан при игумене Иоасафе летом 1690 г., когда монастырь подрядил артель княжострельцов во главе с Филиппом Кондратьевым сыном Кулаковым разобрать надвратную церковь и перенести ее с заменой обветшавших бревен на западные ворота ограды²². На новом месте храм был освящен в честь Входа Господня в Иерусалим,

что полностью соответствовало его новой роли – быть и символическими и реальными воротами, открывающими путь к главному собору монастырского комплекса, расположившемуся не на том месте, где издревле стоял его предшественник – деревянный Никольский храм, а ближе к юго-западному углу ограды. Таким образом заново устроенный Входноиерусалимский храм стал первой постройкой новой ограды обители, пришедшей на смену ветхому тыну. В 1691 г. началась работа по замене старой ограды на новую, проведенная артелью из двенадцати плотников под руководством того же Филиппа Кулакова. Сохранившаяся порядная запись, опубликованная М.И. Мильчиком, не датирована точно, поскольку ее заключительные строки оторваны. Проведение работ по сооружению стены и нескольких башен традиционно относится к 1691 г. в связи с упоминанием в порядной имени игумена Василиска, поставленного на игуменство 9 ноября 1690 г. При этом учитывается, что работы по первой порядной (на перенос надвратного храма) затянулись почти на год, и окончательный расчет с плотниками по ней был произведен только в июне следующего 1691 г. Однако сам текст порядной не исключает, что работы по ней могли начаться и в 1692 г. и даже позже, и продлиться в течение нескольких лет, учитывая масштаб строительства.

Конструктивно вновь возводимая огра-

Никола-Корельский монастырь.
Фотограф В.А. Плотников. 1906 г.

да представлялась значительно более сложной, нежели старая, и отличалась основательностью. Такое грандиозное сооружение, превосходившее по периметру стен некоторые тогдашние северные крепости, сооружалось, по всей видимости, не без оборонительных резонансов. Хотя крепостью, в полном смысле этого слова, и не являлось. В вышеупомянутой порядной дано почти исчерпывающее описание устройства новой ограды: «Ограду деревянную рубленую з городнями вышиною от земли до кровли две сажени... в ысподе и вверху срубить нам у тое ограды связи по два ряду и поперег деревье класть, а на деревье поставить столбы, а на столбы положить поподольные бревна для скату кровельного»²³. Бревенчатая ограда на городнях, высотой

более четырех метров с двускатной кровлей по верху представлялась сооружением, вполне соответствующим многим деревянным крепостям предшествовавшего времени. Четырехугольные угловые башни, как и башни, выстроенные в середине северной и южной стен, не были глухими, а имели двери для прохода внутрь, что делало их удобными помещениями для хранения монастырских припасов. Кроме того, закрытое кровлей внутреннее пространство городской создавало внутри стены большое количество своеобразных ячеек, также пригодных для хозяйственных нужд.

Отдельно в порядной оговаривалась необходимость сооружения в западной стене, в которую предстояло встроить Входноиерусалимский храм, дополнительных хозяйственный ворот «без вереи». Такие ворота выполняли хозяйственную функцию, для которой не всегда уместно было использовать Святые ворота, над которыми высился храм. Сохранившиеся планы Никола-Корельского монастыря XVIII в. Показывают, что новые оградные стены не были пристроены непосредственно к срубу надвратной церкви. Входноиерусалимский храм оказался как бы за линией стены, в связи с чем к нему были пристроены два простенка, под углом соединяющие ограду с внешними углами храмового четверика. Примечательно также, что упомянутый документ предусматривал сооружение лишь двух угловых башен, вместо четырех, а срединных башен в северной и южной стенах не упоминает вовсе. Из чего можно сделать вывод, что, либо строительство этих башен произошло позднее, либо, напротив, они были уже сооружены к моменту заключения порядной. В любом случае строительство грандиозной ограды происходило в несколько этапов и продлилось не один сезон.

Вторая порядная предусматривала и сооружение проездной башни на восточной стороне ограды, приблизительно на том месте, откуда была перенесена надвратная церковь. О башне говорится, что она сооружалась с учетом пожеланий игумена с братией, что свидетельствует об их непосредственном участии в проектировании новой ограды: «...С востока башня поставить проезжая и ворота взделать створные ж, без вереи... А поверх оградной кровли около восмерни мост намостить и гудки изоставить и наверх гутков брусье наложить; и восмерня у тое башни срубить, какова им, игумену Василиску з братьею, понадобится, с розвалом»²⁴. Приведенный текст описывает сооружение именно той воротной башни Никольского монастыря, восхищавшей искусствоведов и архитекторов рубежа XIX-XX вв., которая ныне экспонируется в

музее-заповеднике Коломенское. Историк архитектуры М.В. Красовский совершенно справедливо отмечал, что в формах этой башни нельзя не заметить «...с одной стороны тесное сродство... с башнями древних крепостей, а с другой стороны некоторые такие детали, которые говорят о том, что она никогда не предназначалась для оборонительных целей, а была лишь «святыми воротами» монастыря»²⁵. В литературе имеется неопределенность с наименованием ворот под проездной башней, а, следовательно, и самой башни. В изданиях XIX – нач. XX в. ворота зачастую именуется «святыми», в то время как в документах XVIII столетия чаще всего именуется «водяными» или «речными». Неофициальное наименование «святых» могло перейти к воротам восточной башни только после разборки церкви Входа Господня во Иерусалим на западных воротах Николо-Корельского монастыря в 1864 г.

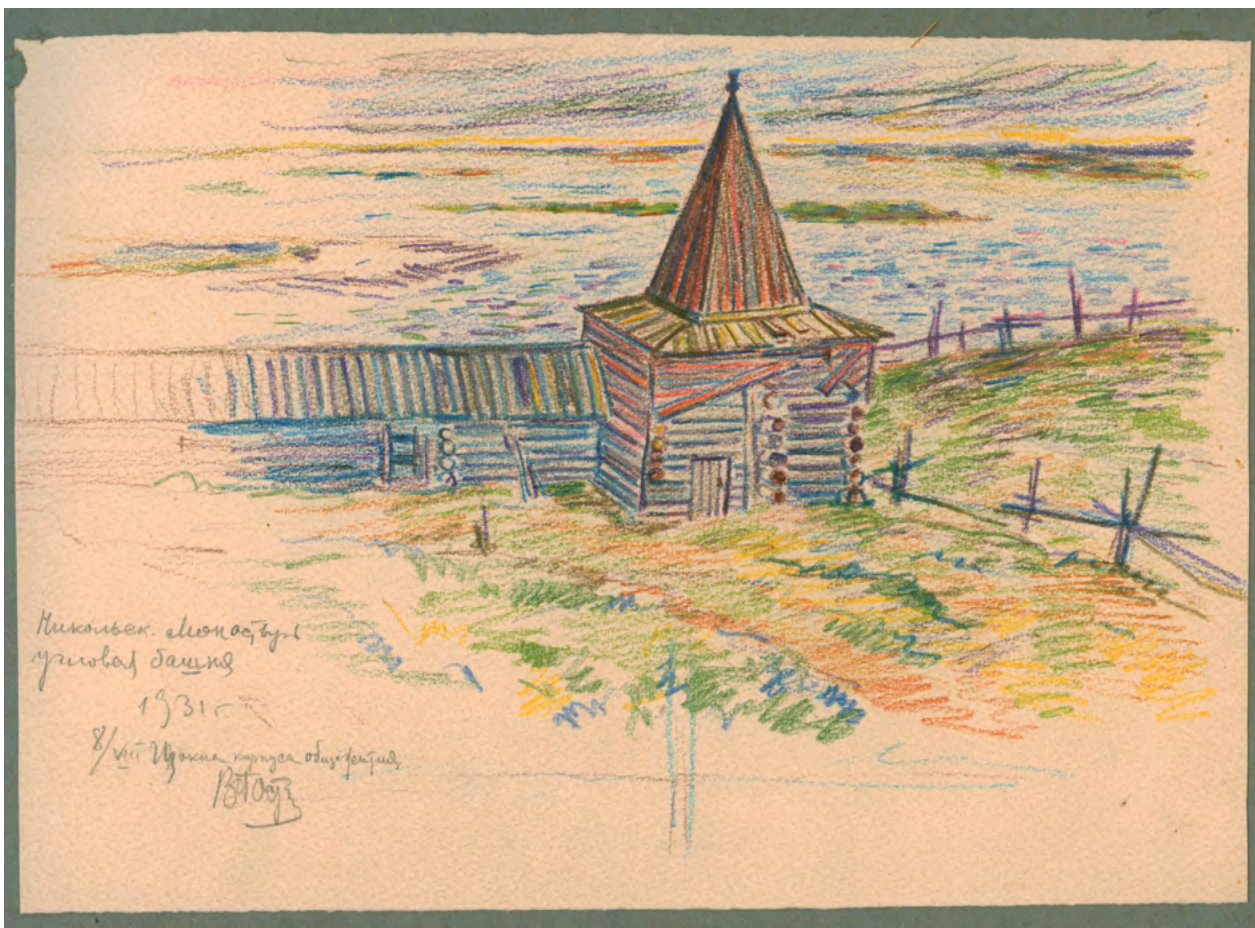
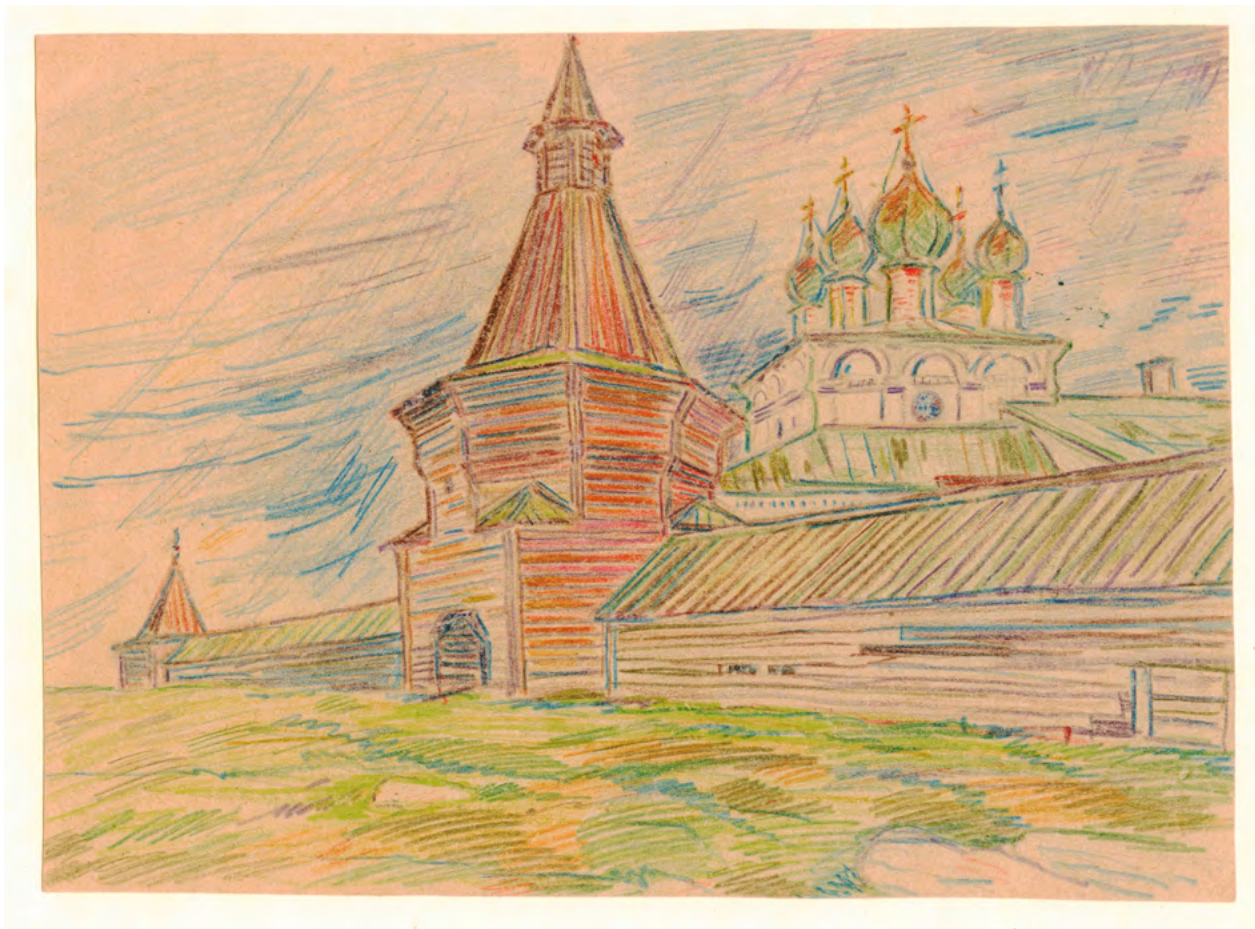
С окончанием постройки всей ограды в 90-х годах XVII в. монастырь оказался заключен в периметр деревянных стен, образующих почти идеальный прямоугольник размером 88 на 66 сажен²⁶. Помимо уже описанных выше трех ворот, одно время существовали хозяйственные ворота в средней башне северной стены, заложенные в 1725 г. (впрочем, как и все монастырские ворота, кроме «водяных») при помещении в обитель опального вице-президента Синода Феодосия Яновского²⁷. В дальнейшем, судя по сохранившимся описаниям и изображениям, эти ворота не возобновлялись. Краткое описание ограды на плане 1725 г. дает представление о ее состоянии в первой четверти XVIII в.: «Кругом монастыря семь башен рубленых на четыре угла, а крыты с навесом по шатерному, от башни до башни ограда рубленая из бревен в две стены с перерубом. Высота башням до кровли по две сажени с половиною, высота ограды две сажени, крыта на обе стороны скатом»²⁸.

Некоторые из сохранившихся планов Николо-Корельского монастыря ошибочно рисуют абсолютную параллельность стен ограды линии основных каменных построек обители. Например, такую искаженную картину можно увидеть на весьма живописном плане, составленном, скорее всего, во времена Елизаветы Петровны²⁹, широко известном благодаря публикации Н.Н. Крашенинниковой³⁰. Сходную картину можно наблюдать на монастырских планах конца XVIII столетия. Вместе с тем, ровный прямоугольник ограды был выстроен под некоторым углом к основному каменному ансамблю обители. Такая асимметрия позволяла видеть от Святых ворот только огромный

Никольский собор с двумя всходами на паперть, заслонявший собой практически все иные сооружения каменного комплекса. От речных же ворот входящие в обитель могли наблюдать единую линию построек, создаваемую Успенским храмом с трапезной палатой, колокольней и Никольским собором, соединенными переходами. Разворот прямоугольника ограды относительно каменного ансамбля обители отчетливо показан на плане 1725 г. Ту же асимметрию деревянной ограды и каменного комплекса демонстрируют изображения рукописного Атласа Архангельской губернии 1797 г., и гравюра 1870-х годов, изданная уже после разборки Водноиерусалимского храма. Сохранение направления восточной стены даже после перестройки ограды в конце XIX столетия подтверждает снимок воротной башни монастыря, сделанный В.А. Плотниковым в 1906 г., и шагомерный план уже почти разрушенной к тому времени ограды, сделанный П.Д. Барановским при разборке для перевозки в Москву воротной башни в 1933 г.³¹

Многочисленные перестройки и ремонты ограды, искажавшие облик сооружения конца XVII столетия, были неизбежны в последующее время. Чтобы установить, насколько велики были эти искажения, обратимся к известным нам фактам. В 1725 г., как уже говорилось выше, были временно заложены все ворота, кроме находящихся в башне восточной стены. В 1731 г. во время пожара больничной кельи «монастырской оградной стены от пожара погорело мерою тридцать сажен. И она стена зачинена новым лесом и покрыта по прежнему»³². 15 ноября 1734 г. монастырь испытал небывалый натиск морской стихии, подробно описанный в «Памятной книге»: «... Учинилась ветреная чрезмерная от севера морская буря и продолжалась двои сутки непрестанно, так, что едва можно было людям по земли ходить... И пришла с моря столь великая вода, что таковыя никогда не бывала, и лед принесло на ограду монастырскую, и в монастыре водою кельи потопило...»³³. Однако ограда, устроенная городнями, оказалась весьма устойчивой и не претерпела серьезного урона от натиска льда и воды. 27 августа – 2 сентября 1791 г. при сильном ветре вода вновь поднималась к монастырским стенам, но не повредила их³⁴.

26 мая 1798 г. во время пожара, произошедшего от удара молнии в центральную главу Никольского собора, сгорели крыши собора и колокольни, сильно пострадала деревянная Сретенская церковь, остатки которой пришлось разобрать, частично выгорели деревянные кельи и монастырская ограда³⁵. 4 сентября того же года мо-

Николо-Корельский монастырь. Рисунки В.Г. Постникова. Из фондов АКМ.

настырь подрядил бригаду плотников Конецдворской волости во главе с Иваном Никифоровым сыном Кучумовым и Иваном Потаповым восстанавливать сгоревшую часть ограды «начиная с восточной стороны от речных ворот продолжать до стоящей ныне налицо старой ограды на южной стороне»³⁶. Все восстановительные работы производились с использованием старых бревен от зданий, предназначенных монастырскими властями к разборке – старого амбара, старого скотного двора, еще одного амбара, стоявшего у северной стороны конюшни, и Сретенской церкви. Кроме того, использовался и новый лес, заготовленный и складированный в восточной части обители. Ошибочным является предположение, что именно в это время была заново отстроена знаменитая воротная башня, якобы тоже пострадавшая в пожаре³⁷. В договоре с плотницкой артелью довольно точно описан фронт работ. Из этого описания явствует, что сгорела часть восточной стены от речных ворот (очевидно, что сама воротная башня не пострадала), угловая башня ограды, и часть южной стены вместе с башней, обозначающей ее середину. В документе определенно говорится о необходимости «при строении ограды построить две башни – угловую и среднюю, таковые же, каковые были прежде, и каковые ныне находятся на северной стороне ограды...»³⁸. Воротная же башня была единственной в своем роде, и никакого подобия в северной части ограды не имела.

Деревянная Входноиерусалимская церковь над Святыми воротами была разобрана в 1864 г., когда крестьянам села Кудьмозерского было разрешено епархиальными властями перенести её в свое селение взамен маленькой часовни, заменявшей сгоревший в 20-х годах XIX в. храм Смоленской иконы Богородицы. На новом месте восстановленный и немного расширенный храм был освящен в честь Николая Чудотворца в 1866 г.³⁹ Так надвратная церковь Николо-Корельского монастыря перестала быть частью его деревянной ограды, в третий раз за свою историю сменив наименование. Последний серьезный ремонт ограды обители пережила, очевидно, в 1880 г., когда, по сообщению М. Красовского, «стены этой ограды пришли в такую ветхость, что их заменили новыми; башни же были только обшиты тесом...»⁴⁰. Таким образом, нет достаточных оснований утверждать, что воротная башня ограды Николо-Корельского монастыря когда-либо серьезно переставалась или разбиралась до самой ее перевозки в 1933–1934 гг. в музей-заповедник Коломенское. Что же касается ограды в целом, то при реконструкции 1880 г.

Башня Николо-Корельского монастыря. 1922 г. Художник Б.Д. Ааронов. Из фондов АКМ.

часть стен и башен были снесены, изменился общий план ограды – с прямоугольного на трапецевидный.

С размещением в 1920-х годах в стенах бывшего монастыря колонии дефективных детей его сооружения, включая и ограду, были обречены на постепенное уничтожение. Так, уездный агроном В.П.Богомолов, посетивший колонию 29 октября 1923 г., в своей описи отметил ужасающее состояние всех строений, указав, в частности, что «крепостная стена более 50% истоплена на дрова, и оторванные доски в некоторых местах лежат в несобранном виде». Заведующему колонией пришлось даже дать письменную расписку: «...Обязуюсь не допускать дальнейшей пилки крепост. стены...»⁴¹. С закрытием колонии и переходом бывших монастырских сооружений в руки сельскохозяйственной коммуны «Искра» уничтожение остатков монастырской ограды продолжалось. В 1927 г. известным историком архитектуры и археологом К.К. Романовым был составлен список памятников старины Архангельской губернии, подлежащих государственной охране, к которому комиссия ученых Архангельска сделала примечательное дополнение: «Некоторые памятники искусства и старины базжалостно разрушаются, а по этому комиссия находит необходимым просить Главнауку об усилении мер охраны: Николо-Корельский

монастырь, отданный в аренду, где стена разобрана на дрова, в настоятельном корпусе скотный двор, церкви открыты, переходы разваливаются, портал разбивают»⁴². Таким образом, приезд П.Д. Барановского в 1933 г. для разборки воротной башни Никольского монастыря был истинным спасением этого памятника деревянного зодчества.

Ограда Николо-Корельского монастыря, трижды перестроенная в течение XVI–XVII вв., и сохранявшая многие типичные черты русского средневекового зодчества вплоть

до 20–30-х годов прошлого столетия, являлась одним из ярких образцов деревянной архитектуры Беломорья. Тот факт, что ограда не играла роли постоянной крепости, вовсе не умаляет ее значения как значимого сооружения, демонстрировавшего, в том числе, и достижения деревянного фортификационного строительства на разных этапах его эволюции на протяжении двух столетий. Сохранившиеся архивные данные позволяют продолжить изучение этого комплекса, внося уточнения в его архитектурную историю.

1 — Здесь Грабарь ошибался. В описанной им ограде было 7 башен. Но это станет ему известно только во время личного посещения Николо-Корельского монастыря в 1920 г.

2 — Грабарь И. История русского искусства. Т. 1. М., 1910. С. 495.

3 — Описание памятников русской архитектуры по губерниям. I. Архангельская губерния // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 39. СПб., 1911. С. 129–133.

4 — Нива. № 45. 1913. С. 885.

5 — Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 247.

6 — Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988. С.15, 17, 26, 41, 42; Ополовников А.В. Сокровища Русского Севера. М., 1989. С. 167–171.

7 — Богданов А.П. Летописец русского воеводы XVII века // Прометей. Т. 16. М., 1990. С. 104–105.

8 — Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 935. Л. 63 об.

9 — Макарий, еп. Историко-статистическое описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря. М., 1879. С. 41–42.

10 — РО БАН. Арх. собр. № 960. Л. 55.

11 — ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 331. Л. 18.

12 — Там же. Д.430. Л. 6 об.

13 — Там же. Д.489. Л. 14 об. –15.

14 — Там же. Д.511. Л. 69 об.

15 — Там же. Д.655. Л. 42–42 об.

16 — Там же. Д.714. Л. 21 об.

17 — Гемп А.Г. Хозяйство и хозяйственная деятельность Николо-Корельского монастыря в XVII веке (очерки). Архангельск, 1967 / рукоп. депон. в Архангельской областной научной библиотеке им. Н.А. Добролюбова. С. 94.

18 — Бычков А.Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной Библиотеки. Ч. 1. СПб., 1882. С. 105.

19 — ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 509. Л. 5–5 об.

20 — Там же. Д. 789. Л. 13.

21 — Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. № 995. Л. 91.

22 — ГААО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 60. (Документ был опубликован М.И. Мильчиком: Народное зодчество. Межвуз. сб. Петрозаводск, 2007. С. 417–418).

23 — Там же. Д. 61. (Документ был опубликован М.И. Мильчиком: Народное зодчество. Межвуз. сб. Петрозаводск, 2007. С. 419).

24 — Там же.

25 — Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч.1: Деревянное зодчество. Пг., 1916. С.116.

26 — ГААО. Ф.191. Оп. 4. Д. 135. Л. 2.

27 — РГАДА. Ф.6. Оп.1. Д.1581. Л.90 об.–91.

28 — Там же.

29 — Там же. Д.189.

30 — Крашенинникова Н. Чертеж Николо-Корельского монастыря Архангельской области // Архитектурное наследие. М., 1952. Вып. 2. С. 232–235.

31 — Там же. С. 234.

32 — РО БАН. Арх. собр. № 956. Л. 55 об.–56.

33 — Там же.

34 — Там же. Л. 56 об.

35 — ГААО. Ф.191. Оп.2. Д. 426. Л. 1.

36 — Там же. Д. 430. Л. 1.

37 — Супрун М., Заручевская Е. «Дом святого Николая» // Памятники Архангельского Севера / Сост. А.А. Куратов. Архангельск, 1991. С. 143.

38 — ГААО. Ф. 191. Оп. 2. Д. 430. Л. 1 об.

39 — Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 1. Архангельск, 1894. С. 212.

40 — Красовский М. Указ.соч. С. 115–116.

41 — ГААО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 92. Л. 38, 43 об.

42 — Там же. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 23. Л. 237 об. –238.